

Владение Акации граничило с землями Снежной Сосны, соприкасаясь с ними на востоке и западе. Местный край, изрезанный скалистыми кручами и быстрыми реками, почти не знал плуга. Каменистая почва неохотно поддавалась возделыванию, поэтому подданные лорда испокон веков жили пастбищным скотоводством.

Столица примостилась на дне глубокого ущелья. Бурный поток рассекал городские кварталы с севера на юг, деля крепость ровно пополам. Окруженный неприступными кручами, город являл собой грозную твердыню, которую куда легче оборонять, нежели штурмовать.

На западном берегу раскинулись ремесленные ряды и кварталы простолюдинов. Серые каменные дома лепились у самой кромки воды; большинство из них насчитывало от двух до пяти ярусов. Выше всех, устремляясь ввысь на целых семь этажей, возвышалось мрачное здание управы, где заседал судебный пристав.

Главные тракты были вымощены широкими каменными плитами, на которых свободно могли разминуться две тяжелые повозки. Каждые три шага вдоль мостовой высились черные фонарные столбы с четырехугольными стеклянными колпаками. Городские фонарщики бдительно обходили дозором улицы, следя, чтобы масляные фитили горели день и ночь.

На восточном берегу стоял лагерьм трехтысячный рыцарский орден. Военный лагерь, раскинувшийся по обе стороны крепости, был обнесен высокими стенами, не уступавшими по прочности пограничным фортам. Каменные брустверы венчали зубчатые парапеты, а на угловых вышках несли караул бдительные дозорные. Здесь всегда держали наготове окованные железом бревна и тяжелые баллисты, способные сдержать натиск многотысячного войска.

Всего в столице насчитывалось четыре района. В трех из них селились благородные господа и те из простолюдинов, кто прислуживал вельможам. Последняя четверть целиком принадлежала дворфам. Обе общины жили обособленно, разделенные невидимой, но прочной чертой, и почти никогда не смешивались друг с другом.

Замок лорда высился на крутом горном склоне. Его возвел еще Лорд-основатель здешних земель, не пожалевший золота, чтобы нанять искуснейших мастеров-дворфов.

Строительство растянулось на три десятка лет: камнерезам пришлось выдолбить почти половину горы. Тронный зал поражал первобытным величием дикого камня, пиршественные палаты славилась изысканной роскошью, а жилые покои, просторные и теплые, соединялись подвесными галереями, напоминавшими переходы в великих подземных городах дворфов.

Когда работы завершились, не все дворфы покинули замок. Многие остались на службе у владетеля, присягнув на верность дому Сандриса и осев во Владении Акации.

Переселенцы принесли с собой секреты горнорудного дела и безупречнойковки. Соединив древнее мастерство с опытом человеческих оружейников, они создали доспехи и мечи непревзойденной прочности, которыми полностью снарядили местное воинство. Благодаря помощи дворфов Орден рыцарей Акации окреп за считанные годы, а могущество лордов

возросло настолько, что позволило им войти в число пяти великих аристократов королевства.

Но достигнутое богатство не утолило аппетиты правителей Акации.

Алчность не знает сытости. Лордам требовалось больше — больше власти, больше земель и больше ресурсов.

Век назад, во времена усабиц и упадка дома Снежной Сосны, предки нынешнего лорда сориентировались быстрее прочих. Подлыми, бесчестными путями они захватили чужие владения, присвоив две богатейшие шахты, на которые давно зарились.

Шли десятилетия, и уворованные богатства рекой текли в сундуки лордов Акации, превращаясь в немыслимое состояние.

Однако чем больше золота копилось у лорда Сандриса, тем сильнее его грызли страх и неуверенность.

Покой придет лишь тогда, когда Владение Снежной Сосны окончательно канет в небытие, а сам древний род угаснет до последнего человека. Без этого захваченные рудники и пашни навсегда останутся краденым добром, на которое у него нет и не будет законных прав.

Но судьба распорядилась иначе. Вопреки всем ожиданиям, дом Снежной Сосны не сгинул. Напротив, оттуда все чаще доходили слухи о возрождении. И если молодой владелец действительно пробудил древнюю кровь, совет великих аристократов содрогнется, и привычному порядку вещей придет конец.

— Не бывать этому! Я не допущу!

На третьем ярусе замка слуга, торопливо шагавший по переходу, замер перед дубовыми дверями. Услышав доносившийся изнутри яростный рев хозяина, он испуганно отдернул руку, так и не решившись постучать.

С тех пор как с восточных рубежей стали приходить тревожные вести, нрав лорда Сандриса портился с каждым днем. Вспышки гнева следовали одна за другой, и безвинных жертв среди челяди становилось все больше. Совсем недавно одному несчастному размозжили голову тяжелым кубком — когда беднягу выносили из покоев, он едва дышал.

Слуга похолодел от ужаса, представляя, какая буря разразится, едва хозяин узнает, что очередная кавалерийская сотня сгинула без следа. Но утаивать столь важные донесения было еще опаснее. Собрав волю в кулак, он осторожно коснулся дерева:

— Милорд, срочные вести.

Крики мгновенно стихли. Из-за двери раздался глухой, зловещий голос:

— Войди.

Прислужник боязливо приоткрыл дверь и обомлел. В кабинете царил сущий разгром.

Тяжелые резные кресла валялись на боку, расшитые гобелены были сорваны со стен и растоптаны. Бумаги и важные хартии кружились по полу, точно сухие листья; на многие из них пролились чернила, превратив важные указы в грязные синие кляксы.

— Всадники, отправленные во Владение Снежной Сосны... они не вернулись в назначенный срок, милорд. Никаких известий от них нет, — слуга понизил голос, уставившись в пол и внутренне сжавшись в ожидании неминуемого удара.

Но взрыва не последовало. Тишина давила на плечи.

Слуга несмело поднял взгляд. Лорд Акации стоял неподвижно, его лицо застыло, точно каменная маска. Пальцы, сжимавшие набалдашник тяжелой трости из черного дерева, побелели от напряжения, а вздувшиеся на тыльной стороне ладони вены выдавали страшное усилие, с которым он сдерживал себя. Казалось, еще мгновение — и крупный рубин на конце трости брызнет мелкими осколками.

— Который раз? — глухо спросил лорд Сандрис.

Слуга растерялся, но когда тяжелые шаги хозяина зазвучали совсем близко, он торопливо заговорил пересохшими губами:

— Считаю тех, кто пропал на прошлой неделе... это уже третий отряд, милорд.

— Три отряда, — тихо повторил правитель.

Он остановился прямо перед вестником. Подол его роскошной шелковой мантии, отороченной огненно-рыжим мехом горной лисы, мягко коснулся сапог. Этот цвет казался неестественно ярким, почти кровавым при свете свечей.

В следующее мгновение воздух со свистом рассек тяжелый набалдашник.

Удар пришелся в висок. Слуга даже не успел вскрикнуть — в глазах поплыли багровые круги, колени подогнулись, и он мешком рухнул на дощатый пол. Теплая кровь густо потекла по щеке, заливая воротник.

— Никчемное отребье! Беспольные твари!

Трость взлетала и опускалась вновь и вновь. Каждый удар лорда сопровождался диким, хриплым рычанием.

Несчастный даже не помышлял о сопротивлении — он лишь сжался в комок, тщетно пытаясь прикрыть руками голову и ребра.

Вдоволь натешившись, лорд Акации брезгливо швырнул испачканное кровью оружие на пол. Слуга лежал без движения, хрипя и едва дыша. Из его избитого тела уходила жизнь.

— Эй, живей сюда!

Двери распахнулись. Два рослых замковых стражника привычно подхватили бесчувственное тело под руки и уволокли прочь. Лица их оставались безучастными, словно они убирали обычный мусор, а не живого человека.

Оставшись один, лорд Сандрис брезгливо перешагнул через лужицу крови и направился в малую канцелярию. Вытащив из потайного ящика стола лист плотного пергамента, он набросал несколько строк, запечатал письмо сургучом с личной печатью и протянул верному гонцу:

— Срочно доставь это во Владение Тсуги. Передай лорду Анджело, что я жду скорого ответа.

— Будет исполнено, милорд!

Гонец вылетел из замка, а вслед за ним из тяжелых ворот выехала кавалькада из тридцати всадников в тяжелых доспехах.

Это был отряд из Ордена рыцарей Гигантского Медведя — элиты Владения Акации. Лорд лично приказал им пробиться к границам Снежной Сосны и выяснить, какая сила сгубила три предыдущие поисковые группы.

Тяжело кованные кони пронеслись через мост над бурной рекой и ворвались на узкие улицы западного берега. Всадники и не думали сбавлять шаг — они летели галопом, круша торговые лотки, растапывая спелые фрукты и ломая хлипкие навесы под отчаянные крики торговцев.

— Берегись! Дорогу!

Как назло, в городские ворота как раз въезжала скромная крытая повозка, прибывшая с самой границы. Заметив несущуюся на него грозную лавину из стали и конской плоти, кучер побелел от ужаса. Поняв, что не успеет развернуть лошадей, он бросил вожжи, обхватил голову руками

и прыгнул прямо под колеса, катясь по каменной мостовой.

Оставшись без присмотра, перепуганные лошади обезумели. Они рванули в сторону, увлекая за собой повозку.

Короб накренился и с оглушительным треском завалился набок, намертво заблокировав единственный выход. Внутри сидел местный портной с женой и детьми; несчастные закричали от ужаса, видя сквозь щели разошедшихся досок, как кованые копыта опускаются на хлипкую крышу их временного убежища.

— Прочь с дороги, ничтожества!

Рыцари Гигантского Медведя лишь издевательски хохотали, устремляясь дальше и оставляя позади горы обломков.

Чудом уцелевший портной, мелко дрожа всем телом, помог перепуганной семье вылезти наружу через разбитое окно. Сердобольные прохожие помогли им собрать разбросанный нехитрый скарб.

— Говорила же я тебе, нечего нам делать в столице! — сквозь слезы причитала его жена, прижимая к груди узел с вещами. Ее каштановые кудри растрепались, а в глазах все еще стоял смертельный испуг. — Чем нам в глуши плохо жилось? А тут... тут ведь за каждым углом смерть караулит! Чуть детей не раздавили!

Портной лишь уныло вздыхал, не в силах возразить. Ему и самому было тошно от этой затеи, но в Равнинном Городе в последнее время творилось нечто невообразимое. Земля ходила ходуном, один за другим закрывались соседние лавки, и все знакомые давно покинули насиженные места. Вот он и поддался панике, решив искать спасения в столице.

— Хватит плакать, живы ведь... — прошептал он, вытирая пот со лба.

Повозка превратилась в груды щепок, так что до ближайшего постоянного двора семейству пришлось добираться пешком, согнувшись под тяжестью тюков. Отыскав скромный ночлег, портной решил немного перевести дух, а наутро разыскать двоюродного брата, осевшего в городе несколько лет назад.

Тут перед ними вырос уцелевший извозчик, нагло требуя плату за сорванную поездку.

— Да ты в своем уме?! Из-за тебя мы чуть жизни не лишились! — в один голос закричали супруги, миглом забыв о взаимных обидах и сплотившись против общего неприятеля. После долгой и яростной перебранки они сунули растерянному вознице три медных гроша — едва ли треть от обещанного серебряника.

Извозчик помянул черта добрым словом, сплюнул, но спорить не стал. Время дорого: нужно было ловить сбежавшую кобылу, пока ее не прибрали к рукам городские воришки. Разворачиваться из-за нескольких медяков он посчитал глупостью.

Толпа зевак мало-помалу рассеялась, и улочки западной окраины зажили своей привычной, суетливой жизнью. Столичные жители давно привыкли к бесчинствам всадников Гигантского Медведя. Судебные приставы закрывали глаза на любые их бесчинства, и даже если бы копыта рыцарских коней раздавили кого-то насмерть, никто бы не посмел потребовать правосудия.

Вырвавшись за городскую черту, кавалерийский отряд прищепил коней и помчался по тракту, ведущему к рубежам Снежной Сосны.

По дороге им попался неприметный купеческий обоз. Несколько скромных телег, укутанные в пыльные плащи погонщики — ничего такого, что могло бы привлечь внимание опытного воина. Командир рыцарей даже не повернул головы. Две колонны разошлись встречными курсами: одна летела во весь опор на восток, другая неспешно катилась к столице Акации.

Едва стук копыт и тучи пыли растаяли вдали, обоз неожиданно замер.

Пожилой вожак, шедший во главе первой телеги, медленно скинул капюшон глубокого дорожного плаща. Лицо его, изрезанное глубокими морщинами и опаленное безжалостными ветрами, казалось высеченным из мореного дуба, однако карие глаза светились живым, острым умом.

— Поторапливайтесь. Нам нужно добраться до столицы Акации до темноты, — негромко приказал он.

Лошади пошли резвее. Когда вечерние сумерки окутали долину, обоз без лишнего шума проскользнул сквозь полуоткрытые створки ворот и затерялся в лабиринтах нижнего города, не вызвав подозрений у стражи.

В это же время на самой границе двух владений, в Равнинном Городе, воздух казался густым от витавшего в нем страха.

Уже две недели землю лихорадило. Каждую ночь глубоко под ногами раздавался зловещий гул, каменные очаги трескались, а стены домов ходили ходуном, грозя похоронить хозяев под завалами. Измученные горожане просыпались от каждого шороха и до самого рассвета не смыкали глаз, прислушиваясь к дыханию бездны.

Слухи множились со скоростью лесного пожара. Старики шептались об извержении древних вулканов, кликуши пугали карой небесной, а иные и вовсе утверждали, будто из недр земных вот-вот вырвется полчище огненных демонов.

Паника росла с каждым днем. Соседи переглядывались с опаской, и то здесь, то там слышался один и тот же совет:

— Надо уходить, пока живы.

Лавки и мастерские на торговой площади закрывались одна за другой. По утрам из ворот потянулись вереницы телег с наспех собранным скарбом. Не прошло и недели, как Равнинный Город опустел больше чем наполовину, превратившись в призрак самого себя.

Лишь таверна старого Люка продолжала приветливо светить окнами. Казалось, безумный старик Черная Сосна знать не знал о царившей вокруг тревоге — он и не думал паковать узлы. Более того, на его суровом лице все чаще играла довольная ухмылка, разглаживавшая старые шрамы и морщины.

С приходом темноты на пустые улицы опустилось глухое безмолвие.

Ледяной ветер завывал в печных трубах заколоченных домов, а с ветвей старых вязов доносилось зловещее карканье ворон. В этом ночном полумраке некогда шумный приграничный городок казался вымершим погостом.

Тишину разорвал дробный стук копыт. Тридцать рыцарей Гигантского Медведя, измотанных долгой дорогой, ворвались в городские пределы. Не сбавляя шага, они миновали покосившийся указатель и пронеслись сквозь оплетенные увядшей лозой деревянные ворота.

Кругом высились глухие фасады. Ни единого огонька в окнах, ни струйки дыма над остывшими крышами — лишь мертвый, холодный мрак.

Но стоило им повернуть к площади, как впереди забрезжил теплый свет. Старая вывеска единственной уцелевшей таверны покачивалась под порывами ветра.

— Туда! — хрипло скомандовал предводитель.

Всадники, продрогшие до костей, восприняли этот огонек как знак свыше. Впереди их ждали горячий ужин и долгожданный ночлег.

Внутри было непривычно просторно и тепло. Все слуги давно разбежались, и за стойкой в полном одиночестве стоял сам хозяин — старый Люк, неторопливо протиравший холщовой тряпкой глиняные кружки.

Перед ним на дубовой столешнице лежал свиток, больше похожий на кусок свежей бересты. Буквы на нем, вырезанные глубокими угловатыми штрихами, не походили ни на одно человеческое наречие — то были письма треантов, ведомые лишь детям леса.

Дверь с грохотом распахнулась, впуская струю холодного воздуха и тяжелый шаг кованых сапог.

Рослые воины в тяжелых панцирях заполнили помещение, шумно рассаживаясь за дубовые столы. Воздух мгновенно пропитался запахом мокрого железа и конского пота.

— Мяса нам! И побольше! И лучшего эля, какой найдешь в своих погребах!

Рыцари были чертовски голодны и мечтали лишь о том, чтобы набить брюхо да поскорее забыться сном.

Немногие местные пьянчуги, ютившиеся по углам, торопливо побросали монеты и шмыгнули к выходу, стараясь не привлекать внимания грозных гостей.

Старый Люк отложил чистую кружку и окинул взглядом шумную ораву. Его взор задержался на тяжелых двуручных мечах, чьи эфесы тускло поблескивали под плащами. Губы старого треанта медленно раздвинулись в странной, хищной улыбке:

— Добро пожаловать в Равнинный Город, господа хорошие. Рад гостям.

Снаружи завывание ветра сменилось нарастающим подземным гулом. Земля содрогнулась, но на этот раз толчок был иным — мягким и властным. Прямо сквозь дорожную пыль и мостовую стали прорастать исполинские, узловатые корни Черной Сосны. Они бесшумно оплетали стены заколоченных домов, взламывая доски и намертво запечатывая окна.

Один из припозднившихся завсегдатаев таверны, едва державшийся на ногах, поскользнулся и упал в грязь. Пьяный туман мгновенно выветрился из его головы, когда он увидел, как из темноты вырастают живые деревянные колоссы, зажимая городок в тиски. Бедняга открывал рот, но от ужаса не мог выдать ни единого звука.

Шорох тысяч ветвей и ползучих побегов слился в единый грозный шепот. Плотные плети кровавой лозы и зеленые стебли сопутствующей лозы сплетались, образуя непреодолимую стену. За считанные минуты Равнинный Город оказался отрезан от внешнего мира исполинским живым куполом, превратившись в неприступную ловушку.

А в теплой таверне рыцари Гигантского Медведя продолжали греметь кубками и жадно поглощать пищу, даже не подозревая, что их судьба уже решена.

Старый Люк стоял за стойкой, опершись на нее обеими руками. Его лицо по-прежнему хранило доброжелательное выражение, но ниже пояса человеческая плоть уже уступила место древней плотной древесине. Могучие корни уходили глубоко в недра земли, оплетая фундамент таверны и стягивая петлю вокруг ничего не подозревающей добычи.

В двадцати верстах к западу сквозь ночную чашу бесшумно двигались исполинские тени. Несколько величественных треантов уверенно шли на восток, раздвигая вековые кроны.

Молодой лорд Юнь Фэй устроился на развилке широких ветвей одного из лесных гигантов, плотнее кутаясь в дорожный плащ. Вокруг него мерно покачивались несколько светящихся травяных шаров, укрывая хозяина от ледяного ветра и разгоняя ночной мрак мягким зеленоватым сиянием.

— Бру, скоро мы будем на месте?

Старый треант Бру приостановился, вглядываясь в очертания созвездий над головой, и ответил рокошущим, как камнепад, голосом:

— Не беспокойтесь, мой лорд. Прикройте глаза и отдохните. К рассвету мы выйдем к окраинам Равнинного Города.

Они шли к старому Люку — древней Черной Сосне, чья судьба еще со времен великого лорда-основателя была намертво связана нерушимой клятвой с домом Снежной Сосны.

Получив весточку от Бру, старый Люк согласился взять под опеку новорожденных треантов, но поставил условие: новый преемник великого рода должен лично явиться на границу.

То была проверка характера.

Пробуждение крови — лишь первый шаг на долгом пути. Древний лесной народ не станет служить слабому или трусливому господину. Черной Сосне требовался вождь решительный и бесстрашный, способный вернуть дому Снежной Сосны былую славу.

И ради этой встречи старый Люк приготовил достойные декорации. Молодой лорд выдержал испытание, и теперь на границе его ждал поистине царский подарок.

<http://bllate.org/book/18992/1911069>